

fanzon.neo
ФЭНТЕЗИ

БЛАГОДАРНОСТИ

Уверен, что есть такие авторы, которые пишут книги совершенно самостоятельно, но мне потребовалась помощь многих людей. Те, кого я перечисляю ниже, вычитывали главы, совместными усилиями придумывали имена, высмеивали мои неудачные идеи и поддерживали удачные, требовали более крутых драк, лоббировали самых подлых негодяев, настаивали на более жутких монстрах, жаловались на неточности во всем, от военного дела до картографии, рисовали схемы Костистых гор — в общем и целом именно их окрики и понукания заставили меня поработать как следует. Писать без их помощи было бы уныло и одиноко. Вот эти люди: Сьюзен Бейкер, Оливер Снайдер, Том Лейт, Патрик Нойес, Колин Вудс, Джон Макл, Лида Эйзенберг, Хидер Бакелс, Кайл Уивер, Кеньон Уивер, Брук Деттерман, Сара Паркинсон, Бекка Хейманн, Кэтрин Паттильо, Мэтт Холмс, Джон Нортон, Марк Фидлер, Андрика Донован, Шилия Стейвли, Скин Стейвли, Кристин Нельсон, Сара Миджибоу, Анита Мамм, Райан Дерби, Морган Фауст, Адриан Ван Янг, Уэс Уильямс, Джин Клиглер, Аманда Джонс, Шэрон Краусс, Сьюзен Уивер, Белла Пэйган, Роберт Хэрдедж, Билл Льюис.

Отдельная благодарность моему агенту Ханне Боуман и моему редактору Марко Палмиери за то, что верили в мою книгу, зорко высматривали детали и заново знакомили меня с персонажами и местами, о которых я думал, что уже давно все знаю.

Гэвин Бейкер, мой неутомимый читатель и друг, умудрился прочесть все мои черновики до последнего слова. Его критические замечания были бесценными, однако гораздо более важной я считаю его непоколебимую веру в то, что я действительно могу написать эту книгу, что я напишу эту книгу и что эта книга выйдет хорошей. Я черпал из его запасников убежденности гораздо чаще, чем он подозревает.

Ну и, наконец, Джоанна Стейвли... У кшештрим не существует слов для выражения благодарности или любви, но есть оборот, часто встречающийся в их писаниях: «ихс алза» — «имеющий ключевое значение, абсолютно необходимый». Он очень точно описывает роль Джо в отношениях как с этой книгой, так и с автором. Без нее я жил бы где-нибудь под скалой, сам не сознавая, насколько я одинок, и не понимая, чего мне не хватает — грыз бы ногти и, скорее всего, до сих пор не продвинулся бы дальше пролога.

ПРОЛОГ

Гниль

«Э то все гниль, — думал Тан-из, глядя сверху в глаза дочери. — Гниль забрала мое дитя».

Длинные цепочки пленников заполнили долину. Воздух сотрясали вопли и проклятия, мольбы и всхлипывания; полуденный жар был пропитан запахом крови и мочи. Тан-из не обращал внимания ни на что — его презрительный взгляд был прикован к лицу дочери, той, что стояла сейчас перед ним на коленях, обхватив его ноги. Вера была уже взрослой женщиной: минул месяц, как ей исполнилось тридцать лет. Если не всматриваться, она могла показаться здоровой — ясные серые глаза, худые плечи, сильные руки и ноги... Однако кшештрим не рожали здоровых детей уже несколько веков.

— Отец! — молила женщина, и слезы ручьями текли по ее щекам. «И эти слезы — тоже признак гнили».

Разумеется, для этого существовали и другие имена. Дети по невежеству или недомыслию называли свой недуг «старостью», однако в этом, как и во многом другом, они ошибались. Старость не означает дряхлости. Тан-из и сам был стар — ему было много сотен лет, но жилы в его теле оставались крепкими, а ум — бодрым. Если нужно, он мог бежать весь день, всю ночь и большую часть следующего дня. Большинство других кшештрим были еще старше — их возраст насчитывал тысячелетия, — и тем не менее они до сих пор продолжали ходить по земле, если не считать тех, что пали в бесконечных войнах с неббарим. О нет! Время идет своим чередом, звезды молчаливо перемещаются по своим орбитам, времена года сменяют друг друга, и ничто из этого само по себе не может принести никакого вреда. Не возраст, но гниль точила детей, пожирая их внутренности и умы, высасывая из них силу, превращая в прах те проблески разума, которыми они некогда обладали. А за гнилью шла смерть.

— Отец! — повторила Вера и снова не смогла продвинуться дальше этого единственного слова.

— Дочь, — отозвался Тан-из.

— Ты ведь не... — она прерывисто дышала, оглядываясь через плечо в сторону рва, где в солнечных лучах сверкала сталь: до-ран-се уже принялись за работу. — Ты ведь не можешь...

Тан-из склонил голову к плечу. Он пытался понять свою дочь, пытался понять всех своих детей. Хотя он и не был целителем, как солдат он давным-давно научился заживлять сломанные кости и разорванную кожу, ухаживать за гниющей плотью, когда в раны попадала грязь, лечить изматывающий кашель у тех, кто слишком долго пробыл вне дома. Но это... он не мог постичь природу этого сокрушительного недуга и тем более был не в силах его излечить.

— Дочь, ты одержима. Гниль овладела тобой.

Опустив руку, Тан-из провел пальцем вдоль морщин на лбу дочери, коснулся хрупких лучиков, разбегающихся от уголков глаз, отыскал тонкую серебряную нить, затерявшуюся среди каштановых локонов. Всего лишь несколько десятков лет, а ее гладкая оливковая кожа уже начала грубеть от солнца и ветра. Когда Вера впервые вырвалась в этот мир между ляжек своей матери, крепкотеля и вопиющая во все горло, он подумал, что, возможно, девочка вырастет здоровой и недуг ее не коснется. Этот вопрос не оставлял его с тех пор и вот теперь он получил ответ.

— Пока что гниль лишь слегка коснулась тебя, — отметил он, — но со временем ее хватка окрепнет.

— И поэтому вам нужно вот это? — выкрикнула она, в отчаянии дернув головой в направлении свежевыкопанного рва. — Вот к этому все идет, да?

Тан-из покачал головой.

— Решение принимал не я. Совет проголосовал...

— Почему? Почему вы так нас ненавидите?

— Ненавидим? — повторил он. — У нас нет такого слова, дитя. Его придумали вы.

— Это не слово! Это чувство — настоящее чувство! Хотя что-то реальное, хоть какая-то правда об этом мире!

Тан-из покивал. Ему уже доводилось слышать нечто подобное. «Ненависть», «отвага», «страх»... Те, кто считал, что гниль — всего лишь недуг плоти, не понимали в ней ничего. Она разрушала ум, подтачивала само основание мысли и рассудка.

— Я выросла из твоего семени, — продолжала Вера, как если бы это логически следовало из сказанного ею прежде. — Ты кормил меня, когда я была маленькая!

— Так же поступают многие другие живые существа: волки, орлы, лошади. Все, пока они молоды и несовершенно, должны опираться на тех, кто их породил.

— Волки, орлы и лошади защищают своих детей! — вскричала она, плача уже навзрыд и сильнее сжимая его ноги. — Я видела! Они охраняют и берегут, кормят и ухаживают. Они растят своих детей! — Вера протянула дрожащую, ищущую руку к лицу отца. — Почему вы отказываетесь растить нас?

Тан-из отвел руку дочери в сторону.

— Волки растят своих детей, чтобы те стали волками. Орлы — орлами. Вы же... — Он вновь нахмурил брови. — Мы вырастили вас, но вы оказались испорчены. Осквернены. Сомнительны. Посмотри сама, — он показал в сторону сгорбленных, поникших фигур, стоявших в ожидании возле края рва; сотни фигур, молча ждущие своей участи. — Вы и без нас умрете сами по себе, и очень скоро.

— Но ведь мы люди! Мы ваши дети!

Тан-из утомленно покачал головой. Нет смысла приводить доводы рассудка тому, чей рассудок помрачен.

— Вы никогда не станете подобными нам, — спокойно проговорил он, вытаскивая нож.

При виде клинка Вера издала горлом сдавленный звук и отпрянула назад. Тан-из подумал, не попытается ли она бежать. Некоторые пытались. Никто не убежал далеко. Эта его дочь, однако, убежать не стала. Вместо этого она сжала руки в бледные, трясущиеся кулаки и затем видимым усилием воли подняла себя с колен. Стоя она смогла посмотреть ему прямо в глаза, и хотя волосы прилипли к ее мокрому от слез щекам, она больше не плакала. Впервые, хоть и ненадолго, ей удалось избавиться от корежившего ее ужаса. Она выглядела почти здоровой. Исцеленной.

— А такими, какие мы есть, вы нас любить не можете? — спросила она, медленно и наконец-то твердо выговаривая слова. — Пускай оскверненных, пускай испорченных! Пускай совсем прогнивших — такими вы нас не можете любить?

— «Любить»... — повторил Тан-из, пробуя на вкус незнакомое звучание, перекатывая его во рту. Тем временем нож вошел в ее тело и двинулся вверх, через мышцы, мимо ребер, прямо к бешено колотящемуся сердцу. — Это ваше слово, дочь, как и «ненавидеть». У нас такого нет.

Солнце уже висело над самыми вершинами гор — молчаливый, яростно пылающий уголь, словно кровью заливший гранитные утесы, — когда Каден обнаружил растерзанную тушу козы.

Много часов он шел за проклятой тварью по извилистым горным тропкам, выискивая следы там, где земля была достаточно мягкой, идя наугад, если выходил на голую скалу, и возвращаясь обратно, если догадка оказывалась неверной. Это была медленная, утомительная работа — как раз такая, какую старшие монахи с радостью поручали своим ученикам. По мере того как солнце мало-помалу погружалось за горизонт и небо на западе наливалось лиловым, словно набухающий синяк, Каден начал беспокоиться, не придется ли ему провести среди горных вершин всю ночь, согреваясь лишь балахоном из грубой ткани. Согласно аннурскому календарю, весна уже несколько недель как наступила, однако монахи не придавали календарю большого значения, равно как и погода, которая оставалась суровой и неуступчивой. В длинных полосах тени под скалами еще лежали клочки грязного снега, от камней сочился холод, а иголки на немногочисленных узловатых кустах можжевельника по-прежнему были скорее серыми, чем зелеными.

— Ну давай же, сволочь, — бормотал Каден, изучая очередной след. — Неужели тебе так хочется здесь ночевать? Мне точно не хочется.

Горный ландшафт представлял собой сплошной лабиринт ущелий и каньонов, узких промоин и заваленных щебнем уступов. Каден уже пересек три забитых снежной кашей ручья, пенящихся в теснинах каменных стен, и его балахон отсырел, пропитавшись брызгами. Когда солнце сядет, ткань задубеет от холода. Как козе удалось перебраться через стремительные потоки, он мог только гадать.

— Сколько можно по твоей милости таскаться среди этих скал...

Слова замерли на его губах, поскольку он наконец увидел свою пропажу. Коза была шагах в тридцати от него, зажата в тесной расселине так, что виднелась только задняя ее часть.

Хотя он не мог ее как следует рассмотреть — по всей видимости, она застряла между большим валуном и стеной ущелья, — сразу было заметно, что с ней что-то не так. Животное было неподвижно, слишком неподвижно; задние ляжки были вывернуты под неестественным углом, ноги торчали прямо, как палки.

— Ты это брось, — неуверенно сказал Каден.

Он подошел ближе, изо всех сил надеясь, что козу не угораздило покалечиться слишком сильно. Монахи хин были не богаты, козы стада служили им источником молока и мяса. Если Каден вернется с раненым животным или еще хуже — с мертвой тушей, его ждет суровое наказание от умиала.

— Ты это брось, старина, — повторил Каден, осторожно взбираясь по расщелине. Судя по всему, коза застряла, но если она все же могла бегать, ему вовсе не хотелось снова гоняться за ней по всем Костистым горам. — Внизу пастбища лучше. Сейчас вместе спустимся...

Вечерние тени скрывали кровь до тех пор, пока он едва не наступил в нее. Она разлилась широкой, темной, неподвижной лужей. Животное было растерзано: на бедре зияла глубокая рана, идущая дальше к животу, через мышцы вглубь ко внутренностям. На глазах у Кадена из раны вытекли последние капли крови. Превращая мягкий пух на подбрюшье в намокшую волокнистую массу, они стекали вниз по одревенелым ногам, словно моча.

— Шаэль побери! — выругался он, огибая заклинивший в ущелье валун. В том, что скалистый лев задрал козу, не было ничего необычного, однако теперь ему придется тащить тушу обратно в монастырь на своих плечах. — Нужно было тебе убегать! Не могла ты...

Он не договорил, чувствуя, как выпрямилась и жестко напряглась спина: ему наконец удалось как следует рассмотреть животное. По коже ослепительной холодной вспышкой прошел страх. Каден перевел дыхание, затем заставил себя успокоиться. Хинское обучение мало на что годилось, но умирять свои эмоции он за восемь лет научился. Страх, зависть, гнев, удовлетворение — он по-прежнему их ощущал, но они не проникали так глубоко, как прежде. Сейчас, однако, даже находясь в крепости собственного спокойствия, он не мог оторвать взгляд от того, что увидел.

Тварь, выпотрошившая козу — Каден тщетно пытался представить, что это могло быть, — на этом не остановилась. Голова живот-

ного была сорвана с плеч, крепкие сухожилия и мышцы разодраны несколькими резкими сильными ударами, так что из туши остался торчать лишь обрубок шеи. Скалистый лев мог задрать отбившегося от стада слабака, но не так. Эти раны были слишком жестокими, даже ненужными, им не хватало будничной экономичности тех убийств, которые Кадену доводилось видеть в горах. Несчастную козу не просто задрали — ее разорвали на части.

Каден бросил взгляд вокруг, ища недостающую часть туши. Камни и ветки, смытые первыми весенними паводками, забили узкую горловину расселины, образовав заплетенный травами и подбитый илом матрас, из которого торчали выбеленные солнцем деревянные цепкие скелетики-палыцы. В расселине скопилось столько мусора, что голову удалось найти не сразу — она валялась на боку в нескольких шагах от козы. Почти вся шерсть была содрана, а сам череп расколот. Мозга не было, его вычерпали, словно ложкой из миски.

Первой мыслью Кадена было бежать. Кровь еще капала со слипшегося козьего меха — в угасающем свете дня она казалась скорее черной, чем красной, — а значит, убийца козы мог до сих пор прятаться где-нибудь в скалах, карауля свою добычу. Никто из местных хищников не стал бы нападать на Кадена — он был довольно высок для своих семнадцати лет, хорошо сложен и силен, поскольку полжизни провел в тяжелом труде; но с другой стороны, никто из местных хищников не стал бы отрывать козью голову и выедать из нее мозг.

Каден повернулся к устью ущелья. Солнце уже опустилось за край степи, оставив лишь выжженный отпечаток в небе над горизонтом. Ночь заполняла ущелье, словно масло, струйкой льющееся в кувшин. Даже если он пустится в путь немедленно и будет всю дорогу бежать что есть силы, последние несколько миль до монастыря ему предстоит покрыть в полной темноте. Каден думал, что давно перерос свой страх ночи в горах, но ему совсем не нравилась перспектива идти, спотыкаясь на усыпанной камнями тропе, под взглядом затаившегося во тьме неизвестного хищника.

Он сделал шаг в сторону от изувеченной туши.

— Хенг захочет, чтобы я нарисовал ему это, — пробормотал он, заставляя себя вновь повернуться к месту бойни.

Любой, имеющий кисть и клочок пергамента, сумеет сделать рисунок, однако монахи хин ожидали от своих послушников и учеников большего. Рисование — следствие видения, а у монахов был свой особый способ видеть. Они называли это «сама-ан» — «гравированный ум». Разумеется, это было всего лишь упражнение,

один шаг на долгом пути к достижению полного освобождения — «ваниате»; но и это искусство могло принести, пусть и небольшую, но пользу. За восемь лет, проведенных им в горах, Каден научился видеть, действительно видеть мир таким, какой он есть: след пятнистого медведя, зубчики на лепестке вилколиста, вздымающиеся башни отдаленных горных вершин. Он провел бесчисленные часы, недели, даже годы смотря, вглядываясь, запоминая. Каден мог с точностью до последней черточки нарисовать любое из тысяч растений и животных и запечатлеть в памяти любую сцену длительностью в несколько ударов сердца.

Он дважды медленно вдохнул и выдохнул, освобождая место в голове — чистую дощечку, на которой будут выгравированы все мельчайшие детали. Страх оставался, но поскольку он был препятствием, Каден сократил его до минимума, сосредоточившись на текущей задаче. Подготовив дощечку, он принялся за работу. У него ушло всего лишь несколько вдохов и выдохов, чтобы запечатлеть оторванную голову, лужи темной крови, изувеченную тушу животного. Линии были уверенными и точными, тоньше любой кисти, и в отличие от обычной памяти, этот процесс оставил яркий, четкий образ, не менее прочный, чем скала под его ногами, такой, который он сможет при желании воссоздать и внимательно изучить. Каден закончил сама-ан и позволил себе длинный осторожный выдох.

— «Страх — это слепота, — пробормотал он, цитируя старый хинский афоризм. — Спокойствие — зрение».

Мудрость древних была слабым утешением свидетелю кровавого зрелища, однако теперь, когда в его памяти были выгравированы подробности убийства, он мог наконец уйти. Бросив через плечо взгляд на окружающие утесы — не затаился ли там хищник, Каден двинулся к устью расселины. Темный ночной туман уже переваливал через горные вершины. Каден неся наперегонки с темнотой вниз по неверным тропкам, его сандалии мелькали рядом со сбитыми с деревьев ветками, рядом с предательскими камнями, готовыми сломать человеку лодыжку. Ноги, озябшие и одеревенелые после многочасового осторожного перехода по следам козы, начали разогреваться от движения, сердце установило ровный ритм.

«Ты ни от кого не убегаешь, — повторял он сам себе. — Просто тропишься домой».

Впрочем, несмотря ни на что, у него вырвался тихий вздох облегчения, когда спустя милю тропа обогнула отвесную, похожую на башню скалу — монахи называли ее Коготь, — и вдалеке перед

ним показался Ашк-лан. Горстка каменных строений гнездилась на узком уступе в тысяче футов внизу, словно пытаясь отодвинуться подальше от бездны. В нескольких окнах тлели теплые огоньки. Наверное, в кухне при трапезной разведен огонь в очаге, а в зале для медитаций зажжены светильники, слышится тихий гул: монахи уже совершают свои вечерние омовения и ритуалы... Безопасность... Это слово непрошеным явилось в его уме. Там, внизу, ждала безопасность, и вопреки собственному намерению Каден прибавил шаг, торопясь к этим слабым, скудным огонькам, убегая от того, что таилось в неведомой темноте позади.

2

Каден бегом пересек уступ перед центральным двором Ашк-лана, но сбавил темп, оказавшись внутри. Его тревога, столь острая и ясно ощутимая при виде растерзанной козы, понемногу утихла, пока он спускался с горных вершин, все ближе к теплу и дружелюбному духу монастыря. Теперь, двигаясь по направлению к основной группе строений, он чувствовал, что глупо было так нестись. Конечно, причина смерти животного по-прежнему оставалась загадкой, однако и горные тропы таили свои опасности, в особенности для тех, у кого хватало ума бегать по ним в темноте. Каден перешел на неспешный шаг, собираясь с мыслями.

«Мало мне того, что я потерял козу! Если бы я вдобавок уму-дрился еще и ногу себе сломать — вот тут-то Хенг точно исхлестал бы меня до крови!»

Гравий монастырских дорожек хрустел под подошвами его сандалий. Это был единственный звук, не считая жалобных завываний ветра, который то налетал порывом, то вновь стихал, то принимался кружить между узловатыми ветвями деревьев и холодными каменными стенами. Все монахи были уже внутри; кто-то сгорбился над миской, кто-то постился, сидя со скрещенными ногами в зале для медитаций и постигая пустоту. Подойдя к трапезной — длинному, низкому каменному строению, источенному ветрами и дождями до такой степени, что оно казалось едва ли не частью скалы, — Каден приостановился, чтобы зачерпнуть горсть воды из бочки возле двери. Сделав глоток и чувствуя, как вода стекает в гортань, он воспользовался моментом, чтобы выровнять дыхание и замедлить биение сердца. Не стоило приближаться к умиалу в состоянии смятения, со спутанными мыслями. Превыше всего монахи хин ценили спокойствие и ясность. Учителя не раз пороли